

Малыш проследил за их взглядами и увидел, что сегодня у дверей класса всё было точно так же, как и вчера. Несколько родителей снова собрались вместе, с наушниками в ушах и лёгкой улыбкой на губах, словно погружённые в какое-то дивное музыкальное представление.

Единственное отличие заключалось в том, что вчера они собрались спонтанно, а сегодня их встреча выглядела довольно наигранной.

Один из мужчин, в строгом костюме, явно только что приехавший из офиса, снял наушники и с чувством произнёс:

— Каким же милым должен быть ребёнок, чтобы петь такие милые песенки?

Несколько родителей переглянулись. Началось. Слова этого мужчины прозвучали как сигнал к атаке.

Тут же подхватил другой родитель:

— Этого ребёнка, должно быть, аист принёс прямо с небес, с ангельскими крылышками за спиной, не иначе. Иначе как объяснить эту райскую музыку, что звучит у меня в ушах? Эта музыка — дар небес, где ещё на земле такое услышишь! Неужели такой малыш и правда существует? Мне так повезло! Я могу слышать, как этот маленький ангел поёт для меня с такой душой! Если это и есть счастье, то все мои предыдущие годы были прожиты зря!

— Уже слишком, — подумали остальные. — Если ты сейчас всё скажешь, что же нам тогда говорить? — Несколько ещё не высказавшихся родителей бросили на него предостерегающие взгляды.

Поймав взгляды своих временных союзников, тот родитель, который, казалось, был особенно искусен в искусстве лести, неохотно замолчал, уступая слово следующему.

— Слушайте, давайте будем вести себя нормально, а? А то вдруг ребёнок нас видит, мы тут так распинаемся, ещё напугаем его. Малыш и так расстроен, что над ним смеялись, — сказал он, а затем, прокашлявшись и немного повысив голос, чтобы привлечь внимание и родителей, и уже вышедших из класса детей, продолжил: — Давайте честно, положи руку на сердце, скажем: разве «Звёздочка» не прекрасно спета?

Тут уж все, и те, кто уже высказался, и те, кто ещё нет, согласно закивали.

— Действительно, прекрасно. Я как послушаю, так на душе радостно становится, всё вокруг кажется прекрасным. С тех пор как услышал, каждый день слушаю, не могу остановиться.

— Эх, вот только одна песня — это так мало...

— Да-да, у ребёнка такой выдающийся артистический талант, такой замечательный голос, ему бы ещё петь и петь. Не понимаю тех, кто смеялся над тем, что он поёт не в лад. Такой радостный и милый ребёнок поёт такую радостную и милую песню, а они свели всё к какому-то «не в лад». Какая поверхностность!

Эти родители играли свои роли с таким усердием, будто и вправду знали, что Фэйфэй стоит в классе и, наострив ушки, слушает их разговор.

Такая же картина наблюдалась и во многих других местах: в детских садах, супермаркетах, на площадях, в парках, во дворах и даже в метро и автобусах. Везде, где появлялись дети, неважно, тот это был ребёнок или нет, эти лицемерные взрослые рассыпались в похвалах, предпочитая ошибиться в адресате, но не упустить свой шанс. Это было похоже на бесчисленные флешмобы по произнесению комплиментов.

— Фэйфэй, почему у тебя покраснело лицо? Ты не заболел? — Чу Сяохань с беспокойством посмотрел на постепенно краснеющего малыша и потянулся, чтобы потрогать его лоб.

Услышав слова Чу Сяоханя, Цуй Юань и остальные тоже с тревогой посмотрели на Фэйфэя.

Малыш, сидевший в окружении своих друзей, смущённо прошептал:

— Дяди и тёти на улице разговаривают... про Фэйфэя.

Цуй Юань, услышав это, тоже пригнулся и заговорщицки прошептал, словно делись великой тайной:

— Я тоже слышал, они все тебя хвалят. Взрослые так странно разговаривают. Фэйфэй, ты стесняешься?

Мультфильм про маленького зелёного дракона смотрел не только Фэйфэй, его любили почти все дети. Фэйфэй пел изменённым голосом, как у Лян Ханьюя, и Цуй Юань интуитивно почувствовал, что здесь кроется какой-то большой секрет. Поэтому, даже когда он услышал из телефона отца доносящееся «Мерцает, мерцает звёздочка...» и понял, что отец не узнал голос Фэйфэя, он ничего не сказал.

Он даже испытал чувство превосходства, как будто он один знал правду, а все остальные были в неведении. «Вот, вы все не знаете, кто это, а я знаю, но не скажу».

— Да. Юаньюань и все остальные, помогите Фэйфэю сохранить секрет. Не говорите, что это пел Фэйфэй. Папа сказал, что это секрет.

Фэйфэй, отвлекшись, уже не так сильно стеснялся, но всё же серьёзно попросил друзей о помощи.

— Не волнуйся, — Цуй Юань хлопнул себя по груди. — Я теперь буду твоим другом, как красная ящерица у маленького зелёного дракона. Красная ящерица узнала секрет о суперспособностях маленького зелёного дракона и сохранила его. Я тоже смогу сохранить твой секрет.

— И я, и я! — подхватил Чжан Сяоху. — Сейчас многие ищут Фэйфэя, хотят заставить его петь целыми днями. Мой папа такой же, он очень плохой! Я видел, какой он плохой, и вчера ничего ему не сказал. Теперь, если Юаньюань будет красной ящерицей, то я буду Тигрой. Тигра тоже друг маленького зелёного дракона и будет защищать его вместе с красной ящерицей.

Лян Ханьюй, стоявший рядом с Чу Сяоханем и молчавший до этого, видел ситуацию глубже, чем Цуй Юань и Чжан Сяоху, и не был так наивен, как Фэйфэй. Влияние «Звёздочки» оказалось неожиданно большим и, похоже, начинало распространяться за пределы страны С.

Лян Ханьюй, каждый день ходя в детский сад, так или иначе что-то слышал. Голос он сразу узнал — это был голос Фэйфэя. Ведь изменённый голос мог обмануть взрослых, но не его, маленького учителя.

Он решил внести ясность:

— Всё не совсем так. Многие взрослые ищут Фэйфэя, потому что им нравится его песня. Если Фэйфэй захочет стать детской звездой, то это не страшно, секрет можно раскрыть. Но дядя Линь, наверное, не хочет, чтобы Фэйфэй был звездой, поэтому и сказал, что это секрет. Я... я тоже не хочу, чтобы Фэйфэй был звездой.

Выслушав объяснения Лян Ханьюя, Цуй Юань и Чжан Сяоху всё поняли.

Чжан Сяоху с видом заговорщика произнёс:

— Хотят сделать Фэйфэя звездой, и говорят, что они не плохие! Лян Ханьюй, ты думаешь, я не знаю, как тебе было тяжело? Тебя довели до того, что ты в мусорный бак залез, и Фэйфэй тебя оттуда вытаскивал. Тебе повезло, что ты можешь за себя постоять. А Фэйфэй такой добрый, если он станет звездой, ему придётся каждый день плакать и прятаться в мусорном баке.

Хотя это сравнение было немного обидным, Лян Ханьюй, признав, что в словах друга есть доля правды, сдержался и продолжил:

— Поэтому, чтобы Фэйфэя не нашли и не заставили каждый день плакать и прятаться в мусорном баке, мы должны помочь ему сохранить секрет. Даже родным нельзя говорить. Знать будем только мы пятеро!

Цуй Юань первым поддержал его:

— Договорились! Кто проболтается, тот предатель! И мы больше не будем с ним играть. Предателям не место среди друзей.

Сказав это, Цуй Юань протянул руку ладонью вниз. Он посмотрел на Чжан Сяоху. Тот, боясь опоздать и стать предателем, без друзей, быстро положил свою руку сверху.

Лян Ханьюй решительно добавил свою руку. Затем все трое посмотрели на Фэйфэя и Чу Сяоханя.

Пока они оживлённо и тихо шептались, столпившись в кучу, Чу Сяохань стоял чуть поодаль, в центре их круга, и внимательно следил за обстановкой, молчаливо внося свой вклад в сохранение тайны Фэйфэя.

Встретившись с взглядом Цуй Юаня и остальных, он посмотрел на Фэйфэя, вздохнул, взял его за руку, подвёл к друзьям, положил его маленькую пухлую ручку на стопку рук, а свою водрузил сверху.

— Отлично, наш договор вступает в силу с сегодняшнего дня! Мы — мужчины, а верность у нас в сердце! — провозгласил Цуй Юань.

Мальчики хором сосчитали до трёх, и их руки разлетелись в стороны.

Договор был официально заключён.

Примерно через пять-шесть минут в дверях класса появился Линь Сынянь и помахал Фэйфэю.

Увидев отца, Фэйфэй надел свой маленький рюкзачок и попрощался с друзьями:

— Братик Сяохань, Юйюй, Юаньюань, Сяоху, до завтра.

— До завтра, Фэйфэй.

Уходя, отец и сын прошли мимо той самой группы родителей. Дети этих родителей всё ещё с удовольствием играли в классе и не хотели уходить.

Один из родителей посмотрел на проходившего мимо мальчика. Ярко-жёлтый свитер с капюшоном выгодно подчёркивал его светлую кожу. Он послушно держался за край одежды отца, с красным рюкзачком за спиной.

Отец спросил его:

— Фэйфэй, ты не устал в садике? Может, папа тебя понесёт?

Мальчик покачал головой:

— Папа, Фэйфэй может идти сам. Папа, а можно сегодня пойти к крёстному? Крёстный в прошлый раз звонил, сказал, что приготовил для Фэйфэя новый торт, с большим-большим количеством фруктов.

— Помню. Крёстный тоже о тебе помнит. Он уже у нас дома, так что как только мы приедем, ты сразу увидишь и крёстного, и торт.

Силуэты отца и сына, большого и маленького, постепенно удалились. Родитель, провожавший их взглядом, вздохнул и сказал своему соседу:

— Ну как у людей получаются такие красивые дети? Личико как у фарфоровой куколочки, сразу видно — послушный ребёнок. Не то что мой, сущий наказание!

В этот момент из класса вышел тот самый «сущий наказание» и, услышав, как отец хвалит другого ребёнка, недовольно посмотрел вперёд. Увидев, что речь идёт о Фэйфэе, он тут же переменялся в лице и радостно подхватил:

— Фэйфэй очень красивый. И он не злится, все дети в садике любят Фэйфэя.

Тут ребёнок нахмурился и добавил с возмущением:

— Это всё Цуй Юань и остальные! Они всё время монополизируют Фэйфэя и не дают нам с ним играть. Особенно Цуй Юань и Чжан Хэнжуй, они такие злые!

Родитель усмехнулся и сказал:

— Значит, этот Фэйфэй — маленький сердцеед в вашем классе?

— Что такое «сердцеед»? — не понял ребёнок.

— Это тот, кого все очень любят, — объяснил отец.

Услышав это, ребёнок уверенно кивнул.

— Тогда Фэйфэй — сердцеед.

Он очень любил Фэйфэя. Если бы Фэйфэй захотел с ним дружить, он бы отдал ему все свои самые любимые лакомства и игрушки.

<http://bllate.org/book/13654/1595688>